

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Памяти академика В. П. Волгина

М.: НАУКА. 1964. С.209-222

Веб-публикация: *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2011
Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи.

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА

(темным шрифтом выделены статьи, размещенные в нашей библиотеке)

- В.А.Дунаевский, Б.Ф.Поршнев.* Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917—1963)
Н.Е.Застенкер. Ленин о домарксовом утопическом социализме
Морис Домманже. Истоки социальных идей Жана Мелье (к 300-летию со дня рождения)
М.А.Барз. Генезис идеологии истинных левеллеров
Жан Дотри. Чем Сен-Симон и Фурье обязаны Жан-Жаку Руссо
В.С.Алексеев-Попов. Социальная критика у Жан-Жака Руссо и великие утописты
Ю.П.Мадор. Эстетические взгляды французских утопических социалистов первой половины XIX в. 223
К.Э.Кирова. Джузеппе Мадзини и утопический социализм (1830—1840)
А.Д.Колпаков. Чартистский социализм конца 30-х — начала 40-х годов
Карл Оберман. К распространению социалистических идей в Рейнской провинции в 1844—1845 гг.
А.И.Володин. О начале социалистической мысли в России
Е.Л.Рудницкая. Социалистические идеалы Н.П.Огарева
В.Р.Лейкина-Свирская. Утопический социализм, петрашевцев
В.Э.Кунина. История создания нового проекта Общего устава и Организационного регламента I Интернационала (1872)
Ю.Я.Мошковская. Новейшие труды о немецком утопическом социализме XVIII в.
В.М.Далин. К истории «Манифеста плебеев». Бабеф в Аррасской тюрьме
Письма В.Г.Короленко, Н.Ф.Анненского и В.А.Мякотина В.П.Волгину

Вадим Сергеевич АЛЕКСЕЕВ-ПОПОВ

СОЦИАЛЬНАЯ КРИТИКА у ЖАН-ЖАКА РУССО и ВЕЛИКИЕ УТОПИСТЫ

Проблема соотношения идей Сен-Симона и Фурье с наследством философии Просвещения, служившей целям идеологической подготовки Великой французской революции XVIII в., в сущности еще ждет своего исследования. Поэтому скромной задачей данного сообщения является лишь привлечь внимание к некоторым из сторон этой проблемы.

Отметим, что ощущение жизненности этой связи (сложно проявляющейся как в известной преемственности, так и в энергичном отталкивании) выражено у Ф. Энгельса гораздо отчетливее, чем во всей последующей историографии, включая и советскую литературу вопроса. Для Энгельса Сен-Симон был «сыном Великой французской революции»¹, а то, что автор «Писем женевского обитателя» понимал, что эта революция была классовой борьбой, борьбой не только между дворянством и буржуазией, но также между дворянством, буржуазией и неимущими,— это было в 1802 г «в высшей степени гениальным открытием»².

Известно, что Сен-Симон, этот потомок древнего аристократического рода, чье образование направлялось Д'Аламбером, в отличие от отпрыска безансонского купца, Фурье, отданного на учение в коллеж иезуитов, рос в атмосфере всепроникающего влияния просветителей и энциклопедистов. В автобиографических записях, захваченных у него полицией в 1810 г, Сен-Симон сообщает, что, когда от изучения древних языков он перешел к изучению французского языка, то первыми писателями, с которыми он ознакомился, были именно Руссо, Вольтер, Гельвеций, Рейналь, Д'Аламбер — все энциклопедисты, не исключая Дидро. Не удивительно поэтому, что 17-летний Сен-Симон, подобно своему сверстнику М Робеспьеру и многим другим юным представителям этого поколения, совершает паломничество к Руссо, в его последнее прибежище в Эрменонвилле³.

¹ К Маркс и Ф Энгельс Соч, т 19, стр. 194.

² Там же, стр 196

³ См G Hubbard Saint Simon Paris, 1857, p 15 Впрочем, некоторыми исследователями факт этот ставится под сомнение

Впоследствии Сен-Симон писал, что «весь XVIII в. был использован французскими философами для подготовки революции»⁴, а в указанных выше записях 1808 г. он причислял себя к ученикам этих философов, говоря, что воспитание его поколения на их книгах сделало его и его сверстников революционерами.

Однако как мы знаем, эта «революционность» Сен-Симона и людей его круга носила весьма ограниченный характер, что проявилось в тех до крайности «осмотрительных» формах, которыми он ограничил свое участие в политической борьбе 1789—1790 гг., погрузившись затем всецело в спекуляции национальными имуществами⁵. Однако в то же время несомненно, что Сен-Симон считал свое творчество продолжением деятельности энциклопедистов XVIII в. Он писал, что после того, как французы при помощи революции подняли свои учреждения до уровня своей просвещенности, они заинтересованы в том, чтобы «упрочить эту революцию», воспитывая своих детей так, чтобы они могли жить счастливо при режиме ограниченной монархии. А для этого необходимо «переплавить всю массу наших научных и литературных знаний, значит надо переделать великую книгу; надо создать энциклопедию»⁶. В осуществление этой цели он выпустил в 1810 г. брошюру, содержащую «эскиз новой энциклопедии, или введение в философию XIX в.», где он писал, что «философия XVIII в. была критической и революционной, а XIX — будет изобретательной и организаторской». За этим последовала первая часть работы, представлявшая собой ее проспект⁷.

Главная трудность исследования соотношения системы идей утопического социализма Сен-Симона и Фурье с содержанием и итогами идеологической подготовки французской революции XVIII в. состоит в том, что взгляды великих утопистов были объективно порождением социальных и идеологических условий, являющихся результатом этой революции, а сами они в своих построениях субъективно отталкивались от нее, рассматривая свои «открытия», свое учение именно как вернейшее средство избежать новых классовых потрясений. Показательно в этом отношении само название брошюры Сен-Симона (1820), рассматривавшей меры, необходимые для «окончания» революции

на вечные времена, — «Considerations sur les mesures à prendre pour terminer la révolution... présentées au roi... par Henri Saint-Simon».

С особой непримиримостью осуждали Сен-Симон и Фурье насильственные методы якобинской революционно-демократической диктатуры, причем Сен-Симон возлагал именно на философов XVIII в., на энциклопедистов ответственность за кровавый характер этой революции⁸. Сен-Симон много раз возвращался к размышлениям о причинной связи между особенностями идеологической подготовки революции и ее характером⁹. При этом в последнее десятилетие его жизни (1815—1825) критическое отношение с его стороны и к революции и к ее предшественникам по форме внешне совпадает с резким осуждением философов XVIII в., особенно наиболее радикальных, со стороны идеологов реакционного дворянства периода Реставрации во главе с Ж. де Местром и Бональдом. Но это было именно лишь совпадением, ибо Сен-Симон не переставал признавать неизбежность и огромное значение революции 1789 г., а Руссо всегда оставался для него одним из наиболее выдающихся умов прошлого века¹⁰.

Что же именно в наследии Руссо, прежде всего в его социальной критике, могло сыграть роль определенного идейного источника и опорного пункта для формирования взглядов и учения Сен-Симона? Полагаем, что такую роль сыграли прежде всего страстное осуждение со стороны Руссо паразитизма, тунеядства богатых собственников и вытекающее отсюда требование обязательности труда для всех членов общества.

Уже в изданных в 1803 г. «Письмах женевого обитателя» Сен-Симон выдвинул положение о том, что «все люди будут работать»¹¹. Ф. Энгельс, особо отмечая это обстоятельство, подчеркивал, что в голове Сен-Симона противоположность между третьим сословием и привилегированными сословиями приняла форму противоположности между «рабочими» и «праздными»¹².

Далее, в опубликованном в 1808 г. втором томе «Введения к научным трудам XIX века», содержащем статьи для будущей, новой «Энциклопедии», Сен-Симон предлагал заменить евангельский принцип — «не делай другому то, что не хотел бы, чтобы сделали тебе» другим принципом, а именно: «Человек

⁴ Сен-Симон. Избр. соч., т. I. М., 1948, стр. 321.

⁵ См. В. П. Волгин. Сен-Симон и сенсимонизм. М., 1961, стр. 6—7.

⁶ Цит. по ст.: J. Dauby. Saint-Simon et J.-J. Rousseau. «Annales historiques de la Révolution française», 1962, N 170, p. 468. Сен-Симон повторял это определение Энциклопедии в брошюре 1814 г. «О реорганизации европейского общества» (Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, v. XV. Paris, 1868, p. 158) и в других сочинениях, где писал, что Энциклопедия — «плод трудов своего века, нанесший решающий удар одновременно всем предрассудкам» (ibid, p. 219). В 1822 г. он приписывал Энциклопедии главную заслугу в разрушении сословных привилегий во Франции («Du Contrat Social», p. 11).

⁷ Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, v. XV, p. 92, 96—103, 147—149.

⁸ Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, v. XXI, p. 182. Характерно, что, по мнению Сен-Симона, французская нация, начиная именно с 1793 г., «вступила в состояние дезорганизации» (Сен-Симон. Избр. соч., т. I, стр. 321); он решительно выступал против «якобинского равенства» (См. R. G a g a u d y. Les sources françaises du socialisme scientifique. Paris, 1949, p. 92).

⁹ См. об этом подробнее: F. E. M a p e l. The new world of H. Saint-Simon. Cambridge, Massachusetts, 1956, p. 262 sqq.

¹⁰ Сен-Симон. Избр. соч., т. II. М., 1948, стр. 55.

¹¹ Сен-Симон. Избр. соч., т. I, стр. 141.

¹² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 195.

должен трудиться». Он объяснял, что всякий рантье, всякий собственник, лично не руководящий работами, необходимыми для того, чтобы сделать его собственностью производительной, лишь обременяет общество. Общественное мнение должно наказывать такого праздного собственника, лишая его всякого уважения¹³.

Напомним, что в «Эмиле» заключался следующий призыв: «Уважайте же род человеческий: имейте в виду, что он состоит в сущности из масс простого народа, что если бы изъять из него всех королей и всех философов, то этого никто почти и не заметил бы и на свете не стало бы хуже»¹⁴. В этих словах можно проследить не только мысль, но и сюжет «Притчи» Сен-Симона, появившейся в 1819 г.

Осуждение праздности сохранило свое определяющее значение и в системе взглядов учеников Сен-Симона. Они восставали против существования наиболее почитаемого класса праздных, владеющих землями и капиталами, и заявляли, что «больше не будет собственности, дающей кому-либо право на праздность, все будут работать»¹⁵.

Об интересе к Руссо со стороны Сен-Симона в период его работы над новыми главами «О промышленной системе» в 1822 г. говорит появление брошюры, которая носит название «Продолжение работ, имеющих целью основание промышленной системы. Об общественном договоре»¹⁶.

Брошюра эта обращена к руководителям работ (chefs de travaux) в области культуры, производства и торговли. «Какая концепция должна лечь в основу общественного договора?— вопрошает автор.— Вот главный вопрос, который стоит перед нами с 1789 г., т. е. с того момента, как мы уничтожили привилегии. Учредительное собрание, Конвент, Бонапарт и его величество Людовик XVIII пытались разрешить эту проблему, но потерпели неудачу в этом предприятии, поскольку и опыт и рассуждения равно доказывали, что введенные ими конституции не имели прочного основания».

Сен-Симон сетовал на то, что люди, составляющие класс «самый сильный, самый способный и самый полезный» (т. е. буржуазия), в то же время выражающий, по его мнению, интересы огромного производительного большинства народа, что эти люди, к которым он обращается, еще далеко не прониклись пониманием той основной истины, что именно они призваны

реорганизовать общество, осуществить его возрождение, воплотить в жизнь новый, истинный общественный договор. Это может быть достигнуто в два приема. На первом этапе должна быть уяснена цель, которую Франция преследует, объединяясь в национальную ассоциацию, определены преимущества этого состояния и средства его достижения. Все это, видимо, и должно быть отражено в первой, предварительной части нового «Contrat social». «Составив первую часть договора, вы должны заняться второй, где вы установите ту форму правления, которую вы одобрите, равно как и то количество денег и тот объем власти, которые вы этому правлению предоставите». Превозносивший в свое время Наполеона, Сен-Симон в этой брошюре пишет, что наиболее подходящей для Франции является старая монархия, т. е. трон должен остаться наследственным в доме Бурбонов. «Вопрос о суверенитете народа или о происхождении властей найдет свое фактическое разрешение после того, как согласно только что выдвинутым принципам, будет осуществлена реорганизация общества, проводимая руководителями работ, которые в качестве подлинных представителей нации составят свой план»¹⁷. Перечисление элементов этого «плана» говорит о его технико-экономическом и просветительном характере (обеспечение процветания всех отраслей сельского хозяйства, промышленности и торговли, ускорение развития «позитивных» наук и распространение «позитивных» знаний). С этой целью «руководители работ» должны широко привлекать ученых, причем примером для них может служить участие ученых в создании «Энциклопедии» XVIII в.

Эта революция, в отличие от боев 1789—1793 гг., будет мирной. Совершаемая в интересах всех групп «производителей», она приведет к триумфу всех добродетелей и способностей.

Как мы видим, глубокие заблуждения Сен-Симона, его вера в мнимое тождество интересов, с одной стороны, имущих групп «производителей», т. е. буржуазии, с другой, пролетариата, отрицание классовой борьбы и необходимость политической демократии приводили к тому, что в этой работе понятия общественный договор и народный суверенитет утратили тот истинно демократический смысл и то революционное значение, которые им были объективно присущи в системе идей Руссо.

В конце первого тома «Введения к научным трудам XIX века» Сен-Симоном было высказано намерение рассмотреть вторую группу трудов XVIII в. в четырех отдельных частях. «В третьей я буду говорить о Ж.-Ж. Руссо,— писал он,— и выскажу свое мнение о всей совокупности его сочинений»¹⁸. К сожалению, план этот не был приведен в исполнение. Не забудем, что пристальное внимание к Руссо Сен-Симон проявлял в условиях

¹³ См. Saint-Simon. Oeuvres choisies, éd. Lemonnier, t. I Paris, 1859, p. 145.

¹⁴ Ж.-Ж. Руссо Эмил. СПб., 1896, стр. 305.

¹⁵ Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, v. XVIII, p. 227.

¹⁶ Suite des travaux ayant pour objet de fonder le système industriel. Du Contrat social. Par Henri Saint-Simon. Paris, avril, 1822. Следует отметить, что J. Dauby (Op. cit., p. 467) и F. Maucel (Op. cit., p. 341) не останавливаются на содержании этой весьма редкой брошюры. Она имеется в собрании библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

¹⁷ Du Contrat social. Par H. Saint-Simon, p. 9.

¹⁸ Saint-Simon. Oeuvres choisies, éd. Lemonnier, t. 1, p. 147!

жестокой идеологической реакции периода Реставрации, когда например Жозефом де Местром Руссо был объявлен «одним из самых опасных софистов своего времени, лишенным истинных знаний, мудрости и глубины»¹⁹.

Внимание Сен-Симона привлекают далее наблюдения диалектика Руссо над взаимосвязью различных сторон и явлений жизни, над вечной изменчивостью состояний всего живого. Он выписывал то место в «Эмиле», где Руссо говорил: «Все перемешано в этой жизни, здесь нельзя ощутить ни одного чувства в его чистом виде, здесь ничто не остается в одном и том же состоянии в течение двух моментов. Страсти наших душ, как и наши тела, вечно изменяются. Зло и добро свойственно всем, но в различной мере. Счастливее всех тот, кто меньше всего страдает от забот, самый несчастный — тот, кто испытывает меньше всего удовольствий»²⁰.

Примером взаимосвязи, мысль о которой Сен-Симон воспринял у философии XVIII в. и, в частности, у Руссо, является взаимоотношение политики и морали. «Общество нужно изучать по людям и людей по обществу: кто захочет изучать отдельно политику и мораль, никогда ничего не поймет ни в той, ни в другой»²¹, — категорически утверждалось в «Эмиле». «Усовершенствование общественного состояния это нечто иное как усовершенствование системы положительной морали»²², — читаем мы в письме Сен-Симона Шатобриану от 4 июня 1817 г.

Наряду с этим, как подчеркивал В. П. Волгин в своей последней работе, великому социалисту-утописту, видевшему золотой век не позади, а впереди, была полностью чужда столь тесно связанная с именем Руссо концепция естественного состояния, которую Сен-Симон сравнивал с учением «богословов» о рае и грехопадении²³.

Следует вместе с тем отметить сложность связи между пониманием Сен-Симоном отношения между политической экономией, экономикой и политикой и тенденциями, которые присутствуют в этом вопросе взглядам Руссо. В одном из «Писем к американцу» (1817) Сен-Симон как будто бы сочувственно выписывал то место из книги Ж.-Б. Сэя «Трактат политической экономии» (1803), в котором осуждалось смешение политики, в собственном смысле слова, как науки об организации общества, с политической экономией, изучающей, каким образом производятся, распределяются и потребляются богатства. Дело в том, что Сэй весьма наивно отрицал связь между системой управления и отношениями собственности и потому упрекал

¹⁹ Joseph de Maistre. Les soirées de Saint-Petersbourg ou entretiens sur le Gouvernement temporel de la providence, t. I Bruxelles, 1838, p. 57

²⁰ Ж.-Ж. Руссо. Эмил, стр. 304.

²¹ Там же, стр. 321.

²² Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, v. XVIII, p. 218.

²³ В. П. Волгин. Сен-Симон и сенсимонизм. М., 1961, стр. 26

Руссо за то, что тот в своей статье «Политическая экономия», помещенной в V томе «Энциклопедии» (1755), допускал такого рода смешение²⁴.

В этой статье Руссо определял значение слова «экономия» как управление делами большой семьи, государства, как «общую экономию» (économie générale) или политику, что явно указывало на отчетливое понимание им связи между этими двумя сферами. Покончив с двумя первыми разделами, в которых он говорил об этой «общей экономии» (или, что то же, о политике) в отношении управления людьми (par rapport au gouvernement des personnes), он переходил к рассмотрению ее в отношении «управления имуществами»²⁵.

Мы знаем, что Сен-Симон в тех же «Письмах американцу» указывал, что политическая экономия является истинной и единственной основой политики²⁶, как науки о производстве (science de production). Сен-Симон несомненно знал статью Руссо о политической экономии и содержащаяся там трактовка связи между общим или политическим управлением, с одной стороны, и хозяйственным управлением, с другой, могла сыграть известную роль в генезисе концепции Сен-Симона о переходе от управления людьми к управлению вещами.

Знали эту статью и ученики Сен-Симона, читавшие сочинения Руссо прежде всего под углом зрения содержащейся в них критики социальных отношений. В оставленном ими «Изложении» учения своего учителя они проявили такую чуткость к одному из положений этой статьи Руссо, которая не теряет своей поучительности и для современных исследователей его творчества. А именно, они обратили внимание на то место, в котором Руссо следующим образом воспроизводит общественный договор между собственником и неимущими. Собственник говорил: «Вы нуждаетесь во мне, потому что я богат, а вы бедны; заключим поэтому сделку, я предоставлю вам честь мне служить, с условием, что немного, остающееся у вас, вы отдадите мне за труд, который я беру на себя, чтобы командовать вами».

Сенсимонисты были разочарованы, не найдя в «Общественном договоре» «решительных высказываний» против такого рода общественных соглашений, т. е. против бесправия наемных рабочих. С большой чуткостью улавливают они кардинальное значение того крайне небольшого по объему примечания к этому трактату, в котором Руссо утверждал, что «законы всегда служат на пользу имущим». Он должен был указать, по их мнению,

²⁴ Сен-Симон. Избр. соч., т. I, стр. 328—329.

²⁵ J.-J. Rousseau. Political writings, v. I. Cambridge, 1915, p. 258. Предположение об известной преемственной связи с этой позицией концепции Сен-Симона возникла у автора данного сообщения при обмене мнениями с А. И. Штигликом (Кишинев).

²⁶ Сен-Симон. Избр. соч., т. I, стр. 329.

что это происходит вследствие того, что законы составляются теми, кто не работает, в интересах таких людей и во вред трудящимся; а если бы законы составляли они сами, то они организовали бы собственность иначе и в иных целях, чем праздноты. «Но собственность была институтом, рожденным успехами цивилизации, и этого было достаточно для того, чтобы Руссо проклял ее и не пытался даже ее усовершенствовать»²⁷.

Сенсимонисты утверждали, что им легко было бы доказать при помощи множества цитат, что Руссо ненавидел институт собственности и выгоды, доставляемые им праздным людям, которых он без всяких стеснений называл в «Эмиле» ворами; однако во всем этом произведении нельзя найти хотя бы одну фразу, в которой указывался бы способ распределения принадлежащей всем земли полезным для общества образом. Не находят сенсимонисты такого рода «революционной идеи о собственности» и в «Энциклопедии»²⁸.

Прямую преемственную связь мы усматриваем между активной защитой сенсимонистами приоритета чувства над разумом в истории общественных отношений и позицией Руссо, выступавшего против одностороннего рационализма энциклопедистов. Руссо не только считал сострадание к себе подобному врожденным и притом отличительным свойством человека, опорой его разума, но, например, упрекал Мандевилля в том, что тот не понял, что «именно из этого качества вытекают все общественные добродетели, наличие которых он отрицал у людей. В самом деле, что такое великодушие, милосердие, человечность, если не сострадание, проявляемое по отношению к слабым, к виновным, по отношению к человеческому роду в целом»²⁹. Явно следуя этой линии в социологии, сенсимонисты утверждали: «Человек живет чувством и благодаря ему способен к жизни в обществе; именно чувство привязывает нас к миру, к человеку... Если отвлечься от симпатий, связывающих человека с его ближними, заставляющих его страдать их страданиями, радоваться их радостями, вообще жить их жизнью, то в обществе невозможно видеть что-либо иное, кроме скопления индивидов, лишенных взаимных связей и отношений, руководствующихся в своих поступках только побуждениями эгоизма»³⁰.

* * *

В отличие от Сен-Симона, признававшего огромное значение философов XVIII в., и в частности Руссо, для формирования его мировоззрения, Фурье в иных случаях категорически отрицал преемственность своих воззрений по отношению к мыслителям

²⁷ Изложение учения Сен-Симона. М., 1961, стр. 325—327.

²⁸ Там же, стр. 328.

²⁹ J.-J. Rousseau. Political writings, v. I, p. 161—162.

³⁰ Изложение учения Сен-Симона, стр. 372—373.

прошлого. Сопоставляя себя с Монтескье, располагавшим богатством, секретарями, имевшим предшественников, которые на протяжении 20 веков прокладывали для него путь, Фурье писал: «Я нахожусь в противоположном положении. Я не располагаю ни богатством, ни покровителями, ни предшественниками». И путь своих открытий этот гениальный автодидакт видел именно в том, чтобы «не плестись по следам Платона, Монтескье, Руссо, Робеспьера и других, обесмертивших себя празднословием, тех кто, с насмешкой относясь к законам и общественному договору, лишь укреплял бедствия цивилизации. Надо, чтобы гений вышел из этой древней тюрьмы и устремился на новый путь, отыскивая тайну счастья, существовавшего до потопа»³¹.

Нам все же представляется, что историки придают слишком большое значение такого рода утверждениям и не вдумываются в противоположные свидетельства, которые можно найти у самого Фурье. Так, например, Г. Буржен считал, что надо полностью отбросить, исключить какое бы то ни было значение для Фурье творчества Кондильяка, Дидро и Руссо³², что чрезвычайно упрощает вопрос, представляя собой такую же крайность, как и выводы Э. Фаге, видевшего в Фурье «истинного наследника Руссо»³³. Но, во-первых, как бы субъективно не подходили исследователи к вопросу о связи творчества Фурье с творчеством Руссо, существуют однако нити, которые нельзя отрицать или игнорировать без ущерба для реальной истории общественных идей. Здесь мы имеем в виду в первую очередь и главным образом критику цивилизации у Руссо, критику, нашедшую, конечно, гораздо более глубокое развитие у Фурье.

И, во-вторых, как это ни странно, но исследователи идей Фурье не обращали внимания на тот факт, что в критике пагубных последствий, которые имела для человека его жизнь в обществе (а капиталистический уклад играл значительно большую роль в конце XVIII в., чем мы обычно представляем себе), Фурье был объективно прямым последователем Руссо. И то обстоятель-

³¹ Publication des manuscrits de Ch. Fourier, t. I. Paris, 1851, p. 3—4.

³² H. Bourgin. Fourier. Paris, 1905, p. 134 Нам думается, что даже приведенные нами далее некоторые примеры прямых ссылок Фурье на мысли Руссо и цитат из некоторых его сочинений показывают преувеличенность утверждения Г. Буржена о полном незнакомстве Фурье с произведениями автора «Общественного договора». Если, например, общее представление о содержании этой книги Фурье мог почерпнуть из вторых рук, не говоря уже о самом термине, то менее вероятно, чтобы он, не читая сам этой книги, знал, что в ней Руссо «нашептывал на ухо Наполеону, что корсиканец должен удивить землю» (хоть передана эта мысль и не в точном соответствии с оригиналом). (См. Publication des manuscrits de Ch. Fourier, t. I, p. 231). Следовало бы также проверить, не восходит ли часть терминологии Фурье, например, Corps social, именно к Руссо.

³³ E. Fauguet. Politiques et moralistes du dix-neuvième siècle. Deuxième série. Paris, 1898, p. 72.

на него (как и на других философов XVIII в.) ответственность за то, что их идеи оказались в буржуазном обществе химерами. Фурье был прав, говоря о своих связях с Руссо, потому что критика цивилизации у Руссо, сначала связанная лишь с осуждением сопутствующей ей роскоши, уже в «Рассуждении о неравенстве» обнаружила свои более глубокие корни в страстном протесте Жан-Жака против ущемления, извращения личности человека в обществе, живущем борьбой за обогащение, за личные, эгоистические интересы.

И хотя Руссо не дано было, подобно Фурье, в итоге своей критики выдвинуть новый общественный идеал, сама эта критика, повторяем, действительно предвосхищала многие страницы сочинений Фурье. «Наш общественный прогресс иллюзорен, — утверждал Фурье. Богатый класс преуспевает, но класс бедный не движется с места, всегда стоя на нуле, испытывая отсутствие минимально необходимого. Следовательно, это неверно, что мы имеем успехи в социальной политике. В нашей системе существует только угнетение и ограбление бедного класса, а не справедливость в распределении»⁴⁵. При этом он, как и Руссо, свободен от пелены просветительских заблуждений: «Вы говорите, что народ будет счастлив, когда он усовершенствует свой разум благодаря прогрессу просвещения; но всегда будет голод, даже если будут знать, отчего он происходит»⁴⁶.

Фурье советовал вернуться к скромности философов, полных надежды (expectants), — Монтескье, Руссо, Вольтера, проявлявших глубокое презрение (dedain) к строю цивилизации и его культуре⁴⁷ и предсказывающих некоторые открытия, которые укажут выход из положения (et augurant quelque decouverte qu'on suivra l'issue).

Повторяем: глубина и «прицельность» социальной критики у Руссо осознана нами еще далеко не достаточно. В его примечаниях к «Рассуждению о происхождении неравенства» между двумя пояснениями естественнонаучного характера содержится пространный обвинительный акт против современного ему общества, не только общий характер, но и отдельные частности которого не могут не привести на память многие страницы сочинений Фурье, посвященные критике «третьей фазы» строя цивилизации, т. е. современного ему уже полностью буржуазного, в отличие от эпохи Руссо, общества.

Основные социальные бедствия в глазах Руссо составляли «чрезмерные труды, коими обременены бедняки, и еще более опасная изнеженность, которой предавались богачи, что заставляло первых умирать от нужды, а вторых от излишеств». Особо выделял он зло, причиняемое вредными профессиями (работы в

рудниках, по обработке металлов и др.). «За счет права собственности и, следовательно, за счет общества надо отнести убийства и грабежи на больших дорогах», а также наказания за эти преступления.

Непосредственно предвосхищает мысли Фурье обращение Руссо к читателям с призывом задуматься о таких чертах их жизни, как «чудовищная смесь различных продуктов, составляющих нашу пищу, о вредных приправах к ним, об испорченных продуктах питания, о фальсифицированных лекарствах, о плутнях тех, кто ими торгует...»; он призывал обратить внимание на эпидемические болезни, порожденные огромными скоплениями людей в городах, на болезни, вызываемые изнеженностью образа жизни, постоянными переходами из домов на открытый воздух (вспомним, какого рода предосторожности предусматривал на этот счет Фурье в плане постройки фаланстера с его крытыми подъездами и отапливаемыми улицами-галереями⁴⁸). Но, конечно, чужд мыслям Фурье вывод Руссо о том, что все эти бедствия — месть природы за презрение к ее урокам.

Но гораздо более существенна роль Руссо как предшественника Фурье в критике враждебности интересов, на которую обрекала людей жизнь в обществе. Вы можете сколько угодно восхищаться человеческим обществом, — писал Руссо, — но неоспоримо, что оно неизбежно побуждает людей ненавидеть друг друга, поскольку их интересы сталкиваются. Разве не предвосхищает во многом столь существенную критическую сторону размышлений Фурье вывод Руссо о том, что в обществе каждый видит свою выгоду в несчастье другого? Доказательство этого он видит в том, что любому состоятельному человеку его алчные наследники, а то и собственные дети желают втайне смерти; нет ни одного корабля в море, крушение которого не было бы приятной новостью для какого-нибудь торговца. «Мы, — повторял он, — извлекаем пользу из невзгод наших ближних и проигрываем одного почти всегда становится причиной благополучия другого. Но еще опаснее то, что общественные бедствия составляют предмет ожиданий и надежд множества частных лиц: одним нужны болезни, другим — мор, третьим — война, четвертым — голод... Так люди в обществе рождаются врагами по долгу и плутами по расчету»⁴⁹.

Фурье отчетливо представлял себе позицию Руссо в борьбе против роскоши, алчности, погони за обогащением и постоянно осуждавшей им торговли. Но он видел и безуспешность всех попыток Руссо покончить с этим злом. «Тщетно Жан-Жак и Мабли отважно защищали честь Греции и Рима. Тщетно представляли они нациям вечные истины морали: «что бедность —

⁴⁵ Publication des manuscrits de Ch. Fourier, t. II, p. 23.

⁴⁶ Ibid., p. 7.

⁴⁷ Ibid., p. 21.

⁴⁸ Ш. Фурье. Избр. соч., т. III, стр. 260—261.

⁴⁹ J.-J. Rousseau. Political writings, v. I, p. 203—205.

